

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ОБ ИСТОЧНИКАХ «АЛЕКСИАДЫ» АННЫ КОМНИНОЙ

Вопрос об источниках «Алексиады» Анны Комниной никем подробно не разбирался. Е. Остер¹, Ф. Шаландон² и Дж. Баклер³ ограничиваются указанием на те источники, о которых говорит сама Анна, и отмечают факт использования историографом документального материала. Наша задача — выявить, где это окажется возможным, источники «Алексиады», а в тех случаях, когда эти источники сохранились, сравнить их с текстом «Алексиады» с целью анализа метода работы Анны как историографа.

Как и большинство других средневековых историков, Анна постоянно провозглашает истину основной целью своего труда. Стремление к истине действительно свойственно историографу. Когда речь идет не о характеристике Алексея или близких к нему лиц, Анна стремится к объективности, точности и полноте охвата материала. Анна, как правило, не заполняет домysлами пустоты своей памяти, а при отсутствии точных сведений признается в незнании. Так, историограф не может точно сказать, от какой болезни умер Роберт Гвискар (III, р. 56)⁴, не утверждает ничего определенного по поводу того, была ли женщина, оборонявшая город от Исаака Контостефана, сестрой Боэмунда (III, р. 78), затрудняется назвать причину, по которой аль-Афдал отпустил бесплатно латинских пленников (III, р. 55), и т. д.

Нередко Анна приводит несколько версий одних и тех же событий и затрудняется признать какую-либо из них достоверной. Так, историограф в двух вариантах излагает историю появления Лжемихаила, причем оба их считает вполне правдоподобными (I, р. 44—45). Точно так же, по словам писательницы, одни утверждали, что экс-императрица Евдокия хотела выдать за Вотаниата свою дочь Зою, другие — что хотела выйти за него замуж сама (I, р. 108).

Однако наиболее убедительным доказательством стремления Анны быть по возможности точной являются лакуны в тексте «Алексиады». Большинство лакун в «Алексиаде» обнаруживается в тех местах, где следовало бы предполагать дату (II, р. 206.25; III, р. 218.28), географическое наименование (III, р. 14.30; 197.28) или личное имя (II, р. 180.15; III, р. 69.12; 108.31; 165.20). По-видимому, писательница, не зная того или

¹ E. O s t e r. Anna Comnena, II. Rastatt, 1870, S. 32 f.

² F. C h a l a n d o n. Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène. Paris, 1900, p. XI sq.

³ G. B u c k l e r. Anna Comnena, a study. Oxford, 1929, p. 229 f.

⁴ Все ссылки на «Алексиаду» даются по изданию: A n n e C o m n è n e. Alexiade, règne de l'empereur Alexis I Comnène, 1081—1118. Texte établi et traduit par B. Leib, I—III. Paris, 1937—1945.

иного названия или даты, оставляла пропуски, которые в дальнейшем не успела или забыла заполнить. Таким образом, Анна, если не в освещении событий, то в передаче фактов, не только на словах, но и на деле стремится к истине. Однако насколько надежны источники, которыми пользуется писательница?

* * *

Еще в античности историографы считали своим долгом повествовать главным образом о событиях, очевидцами которых они сами были. У многих византийских авторов мы также находим заверения в том, что они наблюдали события, которые описывают. Подобные заверения нередко можно встретить и в «Алексиаде». Так, писательница видела и восхищалась Никифором Диогеном, который готовил покушение на Алексея, но, будучи ослеплен, занялся науками и изучил даже геометрию (II, р. 185). Сама Анна видела и описываемый ею приют св. Павла, реконструированный Алексеем (III, р. 185). Можно предположить, что уже с начала 90-х годов многие эпизоды восстанавливаются историографом по памяти. Надо учесть, что Анна — не простая современница описываемых событий. Она — императорская дочь, на ее глазах «делается история». Сама Анна пишет о том, что ей «не пришлось жить домоседкой, наслаждаясь тенью и роскошью», что «она в большинстве случаев находилась с отцом и сопутствовала матери» (III, р. 174).

Об источниках своих сведений кое-что сообщает сама Анна. Большой частью писательница говорит об устных рассказах участников событий. Византийская принцесса, жившая при дворе, Анна находится в родственных связях или во всяком случае близко знакома со всеми сколько-нибудь заметными деятелями своей эпохи, имеет возможность слышать рассказы, передаваемые по свежим следам событий. В «Алексиаде» она неоднократно ссылается на сведения, полученные от ее царственных родителей (I, р. 28; II, р. 100—101; III, р. 115 и др.), от дяди, Георгия Палеолога (III, р. 175), от матери ее первого жениха Константина Марии (I, р. 105) и т. д. Не говорим уже о том, что с ней делились богатыми воспоминаниями Никифор Вриенний, участник многих событий того времени.

Следы этих рассказов подчас нетрудно заметить в «Алексиаде». Так, бросается в глаза, что Анна с большей подробностью и детализацией повествует о событиях, непосредственным участником которых был Георгий Палеолог⁵. Очень подробно рассказывается Анной также о перевороте Комнинов, участие в котором принимали все близкие историографа как по отцовской, так и по материнской линии, и т. д.

Даже в тех случаях, когда Анна не оговаривает, откуда получена ею информация, мы иногда можем с достаточной степенью достоверности назвать источник ее сведений. Например, еще Ф. Шаландон предположил, что о походе крестоносцев через Малую Азию в Сирию и Палестину информацию Анне доставлял полководец Татикий⁶. О том периоде, когда Татикий сопровождал крестоносную армию, сообщения Анны весьма обстоятельны и достоверны. О событиях же, имевших место после того, как Татикий покинул крестоносцев, Анна сообщает бегло и весьма путано⁷. Конечно, не могла Анна не слышать рассказов и Евстафия Камицы, который, бежав из турецкого плена, явился к императрице Ирине, расска-

⁵ См., например, эпизод битвы под Диррахием 1081 г. (I, р. 150 sq.).

⁶ F. Chalandon. Op. cit., p. XVII.

⁷ См. Я. Любарский. Замечания о хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной.— ВВ, XXIII, 1963, стр. 47 и сл.

зал ей о кампании Алексея, а затем повторил свой рассказ на площади перед народом (III, р. 170—172).

Кроме этих известных полководцев и деятелей эпохи Алексея, Анна ссылается на «тех, кто участвовал в походах вместе с самодержцем и с оказией пересылал нам сведения о событиях войны» (III, р. 175).

До сих пор речь шла о сведениях, полученных Анной еще в молодые годы, в тот период, когда византийская принцесса жила при дворе своего отца. Как свидетельствует сама писательница⁸, основную часть сведений Анна собрала уже при Мануиле, т. е. в тот период, когда она непосредственно приступила к труду историка. Какими же источниками Анна имела возможность пользоваться в это время?

Как известно, «Алексиада» писалась ею в монастыре, куда она была сослана после неудачной попытки отнять власть у царственного брата Иоанна. Сведения об этих годах жизни историографа противоречивы. Сама Анна постоянно жалуется на свое вынужденное одиночество, а согласно некоторым другим источникам, она пользовалась определенной свободой и отнюдь не находилась в полной изоляции от мира. Более того, достаточно противоречивы и слова самой Анны. В VII главе XIV книги, где писательница повествует главным образом о себе, Анна пишет: «...До сих пор живут и здравствуют люди, знавшие моего отца; они рассказывают о нем (τὰ κατ' αὐτὸν ἀφηγοῦμενοι), и от них я почерпнула немало для своей истории» (III, р. 174). В данном случае речь может идти как об устных, так и о письменных рассказах стариков — современников Алексея, ибо глагол ἀφηγοῦμαι употребляется в значении «рассказывать устно» и «рассказывать письменно» (второе толкование, судя по контексту, менее вероятно). Вскоре Анна сообщает следующее: «Доступ ко мне закрыт даже людям низкого звания, не говоря уже о близких моего отца и о тех, от кого я могла бы узнать то, что им случилось услышать от других. Клянусь душами блаженных самодержцев, вот уже тридцатый год, как я не видела людей моего отца, не встречалась и не беседовала с ними, ибо одни из них умерли, другие (из-за неустойчивого положения вещей) боятся... Что же касается полученных мною исторических сведений, то, свидетель бог и его всевышняя мать — моя госпожа, я собрала их из простых и совершенно безыскусных сочинений (ἐνυγραμμάτων ἀρχαίων) и от стариков, которые были воинами в то время, когда мой отец взял в свои руки ромейский скипетр, но, встретившись с несчастиями, сменили мирские волнения на мирную монашескую жизнь. Попавшие в мои руки сочинения обладают простым незатейливым слогом, придерживаются истины, написаны без всяких ухищрений и лишены риторического выпирности. Рассказы стариков по своему языку и слогу были такими же, как и эти сочинения...» (III, р. 175—176).

В данном случае Анна уже ясно говорит об источниках двух типов: письменных («простые и совершенно безыскусные сочинения») и устных («рассказы стариков»). Таким образом, в пределах одной главы Анна клянется в том, что не встречается ни с кем, кто бы мог ей рассказать об Алексее, и в то же время ссылается на устные рассказы современников отца. Такое противоречие можно объяснить лишь упорным желанием писательницы занять позу отверженной изгнанницы, ее стремлением представить себя (даже вопреки сообщаемым ею самой фактам) мученицей в глазах читателей.

⁸ «... Главным образом я собрала сведения во время правления третьего императора после моего отца» (III, р. 175. 8—10).

Можно, следовательно, утверждать, что и в последние годы Анна пользовалась устными сообщениями престарелых сподвижников Алексея⁹.

Кроме рассказов, услышанных от сравнительно широкого круга лиц, Анна иногда использует и слухи, молву (ἡ φήμη), которая всегда возникает вокруг всех сколько-нибудь заметных исторических событий. Однако, к чести для историографа, Анна прибегает к помощи столь ненадежного источника не очень часто, хотя в отдельных случаях писательница сама ссылается на молву. Так, сообщение Анны о том, что первым крестоносцем, отправившимся в поход, был Готфрид Бульонский, основывается на «распространившемся повсюду слухе» (τῆς φήμης διαδραμοῦσης ἀπανταχοῦ — II, р. 209)¹⁰. Такой же источник имеет и сообщение писательницы о том, что во время осады Диррахия латиняне начали готовить огромную деревянную башню еще до неудачи с другими осадными орудиями (III, р. 97).

В перечисленных выше случаях Анна сама ссылается на молву как на источник своей информации, в ряде других мест сам характер рассказов заставляет предполагать их полулегендарное происхождение. Так, Анна, ни словом не упоминая ни о Клермонском соборе, ни о призывах папы Урбана II, считает главным зачинщиком собора Петра Пустынника. Скорее всего, это результат влияния ее источников — рассказов простых крестоносцев, народных легенд и т. д.: ведь именно Петр был предводителем крестьянской массы в крестоносном движении и самой популярной личностью среди простых крестоносцев. Характерно, что Альберт Аахенский, сведения которого в большинстве случаев основываются на устных рассказах и легендах, сообщает нам ту же версию¹¹. Такое же происхождение имеет, видимо, и сообщение Анны о тучах саранчи, предшествовавших приходу крестоносного воинства (II, р. 209)¹². Полулегендарный характер имеет также рассказ Анны о переправе Боэмунда, которого якобы перевезли в Италию под видом мертвеца (III, р. 50—52).

Характерно, что ни о саранче, предварившей пришествие крестоносцев, ни о необычной переправе Боэмунда не говорится ни в одном из западных источников, но оба эти эпизода излагаются в хронике Зонары¹³. Так как у нас нет никаких данных об общем письменном источнике этих двух авторов, остается предположить, что оба они черпали свои сведения в слухах, распространявшихся в Византии и неизвестных на Западе. Таковы наши сведения об устных источниках «Алексиады».

* * *

Нами уже приводились слова Анны о том, что она почерпнула немало сведений из «простых и совершенно безыскусных» сочинений стариков — бывших соратников Алексея. Ни одно из подобных произведений до нас не дошло, и можно лишь догадываться, что это были непритязательные сочинения непосредственных участников событий, людей, описывавших

⁹ В тексте «Алексиады» встречается немало ссылок на безымянных очевидцев или участников событий (см. I, р. 104, 106, 130—131; II, р. 62, 183; III, р. 97 и др.).

¹⁰ На самом деле первым западным рыцарем, отправившимся в крестовый поход, был Гуго Вермандуа, не говоря уже о том, что рыцарскому войску предшествовало крестьянское ополчение под водительством Петра Пустынника.

¹¹ См. Н. V. Sybel. Geschichte des ersten Kreuzzuges. Leipzig, 1881, S. 98, Anm. 3.

¹² Ср. P. Lemerle. Byzance et la croisade. — «Relazioni del X congresso internazionale di scienze storiche». Roma, 1955, vol. 3, p. 600.

¹³ См. Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII—XVIII, ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897, p. 742, 749—750.

то, что они видели собственными глазами («одни описывали одно, другие — другое», — сообщает Анна). В этих записках сообщалось главным образом о военных экспедициях (авторами этих произведений, по словам Анны, были бывшие воины).

Из других историков и хронистов своего времени Анна ссылается, и притом неоднократно, лишь на сочинение своего мужа Никифора Вриенния¹⁴. Вопрос о соотношении произведений Никифора и Анны не привлекал внимания исследователей из-за своей кажущейся элементарности. Анна не только ссылается на «Записки» Вриенния, но широко ими пользуется, а в некоторых случаях и почти дословно излагает. Даже в тех частях, где «Алексиада» совершенно независима от сочинения Вриенния, между этими произведениями есть немало общего в языке, стиле и характере отношения к изображаемым событиям¹⁵. Эта общность вполне понятна. Анна расценивает свой труд как продолжение сочинения Вриенния. Анна и Вриенний — муж и жена, люди одного круга, одной культуры, одного уровня образования. Тем не менее на фоне этой общности ярко проступают различия между обоими авторами. Эти различия представляют большой интерес, ибо дают возможность судить о своеобразии Анны как историографа и о методах использования Анной своих источников. Ведь «Записки» Вриенния — почти единственный сохранившийся до наших дней источник, которым широко пользуется писательница.

Более половины I книги «Алексиады» (гл. 2—9) состоит из скопированных частей «Записок» Вриенния. Из сочинения мужа Анна заимствует рассказы о борьбе Алексея с взбунтовавшимся норманским наемником Руселем (Nic. Gr., p. 86—93; Anna, I, p. 11—16), о борьбе Алексея с мятежником Вриеннием Старшим (Nic. Gr., p. 134—147; Anna, I, p. 17—27) и о подавлении Алексеем мятежа Василага (Nic. Gr., p. 148—156; Anna, I, p. 28—36). В перечисленных местах «Алексиады» нет ни одного факта, который бы не находил соответствия в повествовании Вриенния. Исключение составляет лишь рассказ Анны о попытке уже плененного Вриенния Старшего убить Алексея. Но и в этом случае писательница специально оговаривает, что слышала эту историю от отца (I, p. 28). Таким образом, произведение мужа является единственным источником этой части «Алексиады». Самой Анне принадлежат лишь «переходы», связывающие между собой отрывки из сочинения Вриенния.

Почти нет никаких различий между Анной и Вриеннием и в оценке и освещении событий и героев. Единственное расхождение между авторами содержится в рассказе о начале восстания Вриенния Старшего. По Никифору, инициатором восстания был не сам Вриенний, а его брат Иоанн (I, p. 108—110), Анна же отдает инициативу восстания самому Никифору (I, p. 17). Свидетельство Анны подтверждается сообщением Михаила Атталиата¹⁶, писавшего историю по свежим следам событий. Наставив на том, что восстание начал Иоанн, который заставил брата вопреки его воле поднять мятеж против Вотаниата и вступить в борьбу с молодым Алексеем, Вриенний хочет обелить своего отца (или деда)¹⁷. Анне же уже не было нужды выгораживать мятежника, и она восстанавливает истину.

¹⁴ Сочинение Вриенния цитируем по изданию: Nicéphori Bryennii commentarii, rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836.

¹⁵ По выражению Дж. Баклер (op. cit., p. 230), «Алексиада» вполне могла принадлежать перу Вриенния. По мнению английской исследовательницы, «Алексиаду» от «Записок» отличает лишь более трудный и стилизованный язык.

¹⁶ Michaelis Attaliotæ historia, rec. I. Bekker. Bonn, 1853, p. 242.

¹⁷ Вопрос о том, был Никифор Вриенний Старший отцом или дедом мужа Анны, по-разному решается различными исследователями. См. об этом S. Wittek - De Jongh. Le César Nicéphore Bryennios, L'historien et ses ascendants. — Byz., 23, 1953, p. 463—465.

Как показывает сличение текстов «Алексиады» Анны Комниной и «Записок» Вриенния, Анна почти нигде не переписывает сочинение своего мужа. Исключения составляют лишь речи и послания Алексея, включенные в произведение Никифора. Последние Анна передает почти дословно¹⁸. Это обстоятельство представляется нам весьма знаменательным: историограф не считает возможным подвергать значительным изменениям подлинные (или кажущиеся ей подлинными) слова своих героев.

Сопоставление текстов дает возможность выявить некоторые характерные ошибки, которые допускает Анна в передаче сочинения своего мужа. Приведем наиболее существенные из них.

1. По утверждению Анны (I, р. 5), «Записки» Вриенния начинаются со времени царствования Романа Диогена. На самом деле сочинение Никифора начинается с рассказа о первых Комнинах: Мануиле и его сыновьях Исааке и Иоанне — отце Алексея.

2. Согласно Никифору (р. 92—93), Алексей, возвращаясь с пленным и мнимо ослепленным Руселем, остановился в доме своего родственника Феодора Докиана. Докиан стал упрекать Алексея в чрезмерно жестоком обращении с Руселем, и в ответ на эти упреки Алексей «чудесным образом» возвратил зрение своему пленнику. Затем Алексей отправился в г. Кастамон, где находился дом его деда. По Анне (I, р. 15), встреча с Докианом и весь эпизод «исцеления» Руселя имели место в «городе деда Алексея», т. е. в Кастамоне.

3. Никифор (I, р. 136) описывает расположение войска Вриенния Старшего перед боем с Алексеем в следующих выражениях: ... τὸ δὲ μέσον τῆς φάλαγγος αὐτὸς ἐκεῖνος ὁ Βρυέννιος ἦγεν ἐν ᾧ τὸ τε ἀρχοντικὸν ἐτάττετο ἅπαν καὶ Θρακῶν δὲ καὶ Μακεδόνων καὶ τῆς ἰπποῦ τῶν Θεσσαλῶν ὅσον ἐπίλεκτον. Анна передает это место таким образом: αὐτὸς δ' ὁ Βρυέννιος τὸ μέσον κατεῖχε τῆς φάλαγγος ἐκ τε Μακεδόνων καὶ Θρακῶν συντεταγμένον καὶ τοῦ ἀρχοντικοῦ σύμπαντος ὅσον ἐπίλεκτον (I, р. 20). Вриенний говорит о знати (τὸ ἀρχοντικόν) и об отборной части (ὅσον ἐπίλεκτον) фракийцев, македонцев и фессалийской конницы. Анна же сообщает об отборной части (ὅσον ἐπίλεκτον) знати (τοῦ ἀρχοντικοῦ) фракийцев и македонцев.

4. В этом же эпизоде боя Алексея с Вриеннием, согласно Никифору (I, р. 137), Алексей осмотрел местность, увидел с одной стороны открытую равнину, а с другой стороны много холмов и лощин, так что часть фаланги Вриенния была скрыта, а другая видна. Анна (I, р. 21) передает это место следующим образом: «Тем временем мой отец Алексей осмотрел расположение местности и часть войска поместил в лощинах, а часть — лицом к лицу с войском Вриенния». Ошибка Анны очевидна: у Никифора на две части (спрятанную и стоящую открыто) разделено войско Вриенния, у Анны — Алексея. Далее у Никифора (I, р. 137—138) говорится, что отряд Алексея обрушивается на наступающее войско Вриенния «как бы из засады» (ὡσπερ ἀπὸ ἐνέδρας) и чуть было (μικρὸν δεῖν) не обращает в бегство неприятеля. У Анны отряд Алексея действительно выскакивает из засады и действительно обращает в бегство воинов Вриенния. Видимо, под находившимся в засаде отрядом Алексея Анна подразумевает ту часть ромейского войска, которую, по ее словам, Алексей поместил в лощинах. Но, как мы видели, это плод домыслов или, вернее, ошибки писательницы.

5. В описании схватки Никифора Вриенния Старшего с турками из войска Алексея у Никифора мы читаем (I, р. 144): «Один из них (турок. — Я. Л.), обнажив меч, дерзко бросился на Вриенния. Обернувшись, Вриен-

¹⁸ См., например, обращение Алексея к Тутаху с просьбой схватить Руселя (А п н а, I, р. 11—12 = N i c. В г., р. 86—87) и две речи Алексея перед амасийцами (А п н а, I, р. 13 = N i c. В г., р. 88; А п н а, I, р. 14 = N i c. В г., р. 89—90).

ний ударил его мечом и обрубил ему руку — рука вместе с акинаком пала на землю... Первый турок с отрубленной рукой (*ὁ πρῶτος τὴν χεῖρα ὑπ' αὐτοῦ ἐκτιμήθεις*), соскочив с коня, повис на спине Вриенния». У Анны (I, p. 26) на Вриенния бросается не «первый турок с отрубленной рукой», а «другой турок» (*ἄλλος*).

6. Согласно Никифору (I, p. 155), послом Алексея к мятежнику Василиаки был игумен Ксенофонта монастыря на горе Афон — некий Симеон. У Анны эту роль исполняет монах Иоаннаки (I, p. 35). Ошибка писателя вполне понятна: Анна помнит, что послом был монах, а монах Иоаннаки уже упоминался ею ранее в качестве доверенного лица Алексея (I, p. 31, 32).

7. Никифор (I, p. 154) называет Мануила племянником (*ἀδελφιδόους*) Василиаки, у Анны он фигурирует в качестве брата (*ἀδελφός*) мятежника (I, p. 34).

Характер приведенных выше расхождений не оставляет сомнений в том, что в данном случае имеет место не сознательное исправление Анной текста Вриенния, а, наоборот, невольное его искажение. Интересно, что в некоторых случаях при лексической близости обоих текстов в «Алексиаде» содержится смысл, отличный от «Записок» Вриенния. Видимо, писательница, хорошо зная сочинение мужа, не переписывала его, а воспроизводила, часто отвлекаясь от текста.

Сличение текстов Анны и Вриенния показывает, что в «Алексиаде» опускается ряд фактических подробностей, содержащихся в «Записках». Так, Анна ничего не говорит о том, что Русель лично являлся к Тутаху с целью заключить союз против турок (Nic. Vg., p. 86), не упоминает о приближенных императора, требовавших возвращения Алексея с пленным Руселем в столицу (Nic. Vg., p. 94), не сообщает о перебежчике, явившемся к Василиаки и посоветовавшем ему напасть ночью на спящего Алексея (Nic. Vg., p. 149), и т. д. Эти примеры можно легко продолжить.

Однако, опуская фактические подробности, содержащиеся у Вриенния, Анна не только не сокращает повествования своего мужа, но, напротив, в ряде случаев значительно его расширяет. Это расширение происходит за счет двух тенденций, характерных для историографа: риторизации и драматизации рассказа Вриенния.

Во многих случаях, когда у Вриенния содержится простое упоминание о том или ином факте, в «Алексиаде» мы находим образную картину с явным привкусом риторики. В первую очередь это относится к описаниям боев и сражений. Как правило, Анна придает картинам боев определенную эпическую, «гомеровскую», окраску¹⁹. Это прежде всего достигается введением в повествование гомеровских цитат и мифологических реминисценций, отсутствующих у Вриенния (I, p. 21, 37) и др.

Вообще в описаниях сражений Анна риторическими средствами как бы вновь воссоздает картины боя, и факты, сообщенные Вриеннием, служат ей лишь отправным пунктом для творческой фантазии. Вот некоторые характерные примеры, которые сознательно заимствуются нами только из одного эпизода — сражения Алексея с Вриеннием Старшим.

Никифор сообщает о расположении войска Вриенния (p. 136): «Центром фаланги командовал сам Вриенний, там находилась вся знать и отборная часть фракийцев, македонян и фессалийских всадников, за левым флангом на расстоянии двух стадий впереди стояло союзное скифское

¹⁹ Об эпических чертах стиля Анны см. R. Katičić. "Αννα ἡ Κομνηνὴ καὶ ὁ ἄνθρωπος. — *ΕΕΒΣ*, 27, 1957. Р. Катичичу возражал Ф. Дэльгер (*BZ*, 51, 2, 1958, p. 420). Заметка Ф. Дэльгера вызвала в свою очередь развернутый ответ Р. Катичича (*Ἡ ἀρχαιομάθεια καὶ τὸ ἐπικὸν πνεῦμα εἰς τὴν Ἀλεξιάδα τῆς Ἀννας Κομνηνῆς*. — *ΕΕΒΣ*, 29, 1959).

войско»²⁰. Анна после сообщения о том, из кого состоял центр строя Вриенния, прибавляет: «Все они сидели на фессалийских конях, их железные латы и шлемы на головах сверкали, кони поводили ушами, бряцание щитов и шлемов наводило ужас. Находившийся в середине Вриенний, как Арей или древний гигант, на целый локоть возвышался над всеми, вызывая своим обликом изумление и страх. Вне строя, примерно на расстоянии двух стадий, расположились союзники-скифы, вооруженные по-варварски» (I, p. 20).

Никифор просто рассказывает о том, как турки из войска Алексея завлекли в засаду воинов Вриенния, а затем, повернувшись, бросились на неприятеля (p. 142). В соответствующем месте «Алексиады» содержится следующая картина (I, p. 25—26): «По условному знаку из разных мест, словно рой ос, высыпали находившиеся в засаде всадники. Боевыми кликами, шумом и непрерывной стрельбой из луков они оглушили Вриенния и его воинов и ослепили их дождем падающих отовсюду стрел».

В некоторых случаях Анне удается создать образные и впечатляющие картины боевых эпизодов. Вот характерный пример. Захватив коня Вриенния, Алексей распорядился отправить его вместе с глашатаем к своему обратившемуся в бегство воинству с целью приободрить воинов и заставить их прекратить бегство. Никифор просто сообщает, что уловка Алексея «заставила многих бегущих остановиться, а иных и вернуться» (p. 139—140). Анна же в следующих выражениях описывает эффект, произведенный появлением глашатая с конем: «Это известие заставило собраться отовсюду и вернуться многих рассеявшихся воинов великого доместика схол—моего отца, а других побудило к стойкости. Воины как вкопанные остановились там, где их застал голос глашатая, обратили назад свои взоры и были поражены неожиданным зрелищем. Что за странная это была картина! Головы коней обращены вперед, лица самих всадников повернуты назад, они не двигаются и не хотят повернуть назад, они изумлены и приведены в недоумение всем происходящим» (I, p. 23). Тенденция к риторизации и драматизации рассказа характерна и для всех прочих частей «Алексиады».

С этой тенденцией тесно связано и стремление Анны к характеристике и воссозданию образов исторических персонажей. В тех случаях, когда Никифор ограничивается краткой и беглой характеристикой, Анна подчас дает развернутые и гиперболические описания. Так, начиная рассказ о борьбе Алексея с Василаки, Анна подробно характеризует последнего (I, p. 29). Никакого соответствия в тексте Вриенния эта характеристика не имеет. Приступая к повествованию о сражении Алексея с Никифором Вриеннием Старшим, Анна прибегает к своему любимому приему: сопоставлению обоих противников (I, p. 19). Подобного сопоставления также нет в тексте «Записок» Вриенния.

Сравнение текстов Анны и Никифора позволяет сделать вывод, что Анна, сохраняя, как правило, документальный (или кажущийся ей документальным) материал из своего источника, опускает ряд фактических деталей, не имеющих большого исторического значения, и допускает некоторые мелкие ошибки в изложении фактов. Не будучи слишком внимательной к передаче исторических деталей, Анна всегда стремится к художественному и риторическому воспроизведению данных своего источника. Последняя тенденция находится в явном противоречии с собственными заявлениями Анны о том, что она стремится избегать всяких риторических прикрас²¹.

²⁰ Нами уже частично цитировалось это место, см. выше, стр. 104.]

²¹ Склонный к самоуничтожению, Вриенний скромно называет свой труд «материалом для истории», в то время как Анна, гордясь своим образованием и талантом, заяв-

Сочинение Вриенния — единственное дошедшее до наших дней произведение, из которого на протяжении целого ряда глав черпает свои сведения Анна. Однако в «Алексиаде» содержится сравнительно большой экскурс в прошлое, источники которого поддаются определению. Анализ этого эпизода и его источников представляет определенный интерес, ибо добавляет некоторые детали для характеристики метода Анны-историографа.

Упомянув о храме св. Феклы в Константинополе (I, p. 127), Анна считает своим долгом поведать историю его основания, рассказывает о том, как вожди даков (т. е. венгров) отказались соблюдать мирный договор с ромеями, как об этом стало известно савроматам (т. е. печенегам), которые перешли по льду замерзшего Дуная и напали на Византию, как против печенегов выступил император Исаак Комнин (1057—1059), который заключил мир с западными варварами (т. е. с венграми), а над печенегами одержал победу. На обратном пути, продолжает Анна, у Ловеча войско Исаака постигла буря, во время которой чуть не погиб сам Исаак. Чудом спасшись, он по возвращении в Константинополь основал храм св. Феклы.

Благодаря характерным деталям, сохраненным Анной в этом рассказе, нетрудно заметить контаминацию двух одновременных событий. Переход печенегов по льду Дуная имел место в конце 40-х годов XI в. Это была первая волна печенежского наступления на Византию, когда северные соседи империи под командованием Тираха впервые перешли ее границы²². Поход же Исаака Комнина состоялся в 1059 г.²³

Мы имеем возможность также определить, какими источниками в данном случае пользовалась Анна и что привело писательницу к ошибке. Начиная со слов *νεμόμενοι πρότερον* (I, p. 127.22) и до... *δεινός ἐλῆζοντο τὰς παρακείμενας πόλεις καὶ χώρας* (I, p. 128.1) текст Анны представляет собой почти буквальное переложение текста Михаила Пселла²⁴. После этого Анна сразу же переходит к рассказу о походе Исаака Комнина, а Пселл пускается в длительные рассуждения о вероломстве и коварстве скифского племени²⁵ и лишь затем обращается к повествованию о походе Исаака и при этом бегло упоминает о буре, постигшей войско

ляет о том, что вполне способна взять на себя труд историка. Видимо, Анна на самом деле расценивает труд мужа как материал для своего сочинения. Стремление к художественному воспроизведению текста Вриенния лишней раз характеризует Анну как историографа с сильно развитыми светскими тенденциями (см. Я. Ыюбарский. Мировоззрение Анны Комниной. — «Уч. зап. Великолукского пед. ин-та», вып. 24, 1964, стр. 169 сл.).

²² Об этом наступлении печенегов и об их переходе по льду Дуная рассказывается в сочинениях Пселла (Michel Psellus. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077), texte établi et traduit par E. Renauld, II. Paris, 1928, p. 124—125), Скилицы (Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opus ab I. Bekkero supplementus et emendatus, II. Bonn, 1839, p. 545) и Иоанна Мавропода (Iohannis Eucherii metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, ed. P. de Lagarde. — «Abh. d. hist.-philol. Cl. d. Gesellschaft. d. Wissensch. zu Göttingen», XXVII, 1, 1881, cap. 182). Обычная датировка этого события — 1048 г. Лишь в только что появившейся статье А. П. Кайдана («Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.» — ЗРВИ, кн. VIII. Mélanges G. Ostrogorsky. Београд, 1963, стр. 177 сл.) поход Тираха датируется 1046—1047 гг.

²³ О походе Исаака рассказывают Михаил Аталлат (p. 66—68), Продолжатель Скилицы (Cedr., II, p. 645), Зонара (p. 671—672); см. также сообщения Пселла (K. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, V. Paris—Venetia, 1876, p. 416 sq.; Michaelis Pselli Scripta minora magnam partem adhuc inedita, ed. E. Kurtz—F. Drexler, II. Milano, 1941, p. 178 sq.; ср. В. Васильевский. Византия и печенеги. — «Труды», I. СПб., 1908, стр. 25 сл.).

²⁴ Psellus. Chronogr., II, p. 124—125.

²⁵ Ibid., p. 125—127.

возвращающегося императора²⁶. Михаил Пселл, современник обоих упомянутых событий, конечно, не мог объединить в один эпизоды разных лет. Рассказ о вторжении печенегов Тираха для Пселла — далекая предыстория похода Исаака Комнина. Однако вольная композиция этого рассказа и отсутствие точных хронологических указаний порождают определенную нечеткость повествования, способную ввести в заблуждение читателя, незнакомого с хронологией событий. Следуя неверно понятому ею Пселлу, Анна заимствует у него эпизод с переходом по льду печенегов Тираха, но в рассказе о походе Исаака отходит от текста «Хронографии», ибо в последней он изложен недостаточно подробно.

С каким же источником контаминирует Анна «Хронографию» Пселла? Как уже отмечалось, рассказ о походе Исаака Комнина и о буре, постигшей его войско, кроме Анны, передают Михаил Атталиат, Продолжатель Скилицы и Зонара. Рассказ Зонары, явно восходящий к Продолжателю Скилицы²⁷, не мог служить источником для Анны, ибо он значительно более краток и беден деталями, чем повествование писательницы. Рассказы Михаила Атталиата и Продолжателя Скилицы отнюдь не независимы друг от друга: второй явно восходит к первому²⁸. Что же касается текста Анны, то он восходит не непосредственно к Атталиату, а к Продолжателю Скилицы по следующим соображениям.

Во-первых, у Атталиата нигде не говорится об основании храма Феклы, о нем сообщается лишь у Продолжателя Скилицы. Этот факт, как уже отмечалось, дает Анне повод для всего рассказа. Во-вторых, в тех случаях, когда между Атталиатом и Продолжателем Скилицы встречаются какие-либо расхождения (чаще всего лексического характера), Анна, как правило, примыкает к Продолжателю Скилицы. Вот некоторые примеры: 1) Атталиат называет древнюю Софию, куда прибыл Исаак, Сердикой (р. 67), Продолжатель Скилицы и Анна — Триадицей (Cedr., II, р. 645; Anna, I, р. 128. 2—3; 2) Атталиат следующим образом датирует бурю, обрушившуюся на войско Исаака (р. 67.20—21): *σεπτέμβριου μηνός ἔτι τὸν δρόμον ἐλαύνοντος*. У Продолжателя Скилицы (II, р. 646.11—13): *σεπτέμβριος ἦν ἡμέραν ἄγων καὶ καθ' ἣν ἡ τῆς ἁγίας πρωτομάρτυρος Θέκλας εὐρτή τελεῖται χριστιανοῖς*; у Анны (I, р. 128. 23—25): *εἰκοστὴν πρὸς τῇ τετάρτῃ τοῦ Σεπτέμβριου ἄγοντος ἐν ἣ τῆς μεγαλομάρτυρος Θέκλῆς μνήμη τελεῖται*; 3) Атталиат говорит о наступившем затишьи (р. 68. 4—5): *ἀναστολῆς γενομένης*. У Продолжателя Скилицы (II, р. 648.18) и Анны (I, р. 129.5): *ἀναστολῆς μετρίας γενομένης*; 4) Атталиат говорит о дереве, чуть не убившем при своем падении императора (р. 68. 11): *ρίζοθεν τμηθεῖσα*. У Продолжателя Скилицы (II, р. 646. 23) и Анны (I, р. 129. 13—14): *ρίζοθεν ἀνασπασθεῖς*.

Таким образом, анализируемый нами отрывок «Алексиады» представляет собой результат контаминации эпизодов, заимствованных у Михаила Пселла и Продолжателя Скилицы. Интересно, что писательница не просто присоединяет друг к другу эпизоды, заимствованные у разных авторов, но старается тесно связать их в один рассказ. Так, уже первая фраза разбираемого отрывка представляет собой не

²⁶ Psellos. Chronogr., II, р. 127.

²⁷ Как утверждает сам Зонара (р. 673), его сведения о времени Исаака Комнина почерпнуты из сочинений Пселла и Фракияса (т. е. Скилицы). Целый ряд совпадающих деталей неопровержимо свидетельствует о том, что рассказ о походе Исаака Зонара почерпнул в сочинении Продолжателя Скилицы.

²⁸ K. K r u m b a c h e r. Geschichte..., S. 367; Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 340. См. также: А. П. К а ж д а н. Критические заметки по поводу изданий византийских памятников.— ВВ, XVIII, 1961, стр. 285 сл.

что иное, как контаминацию двух фраз — Пселла и Продолжателя Скилицы. Анна (I, p. 127): ἐπεὶ γὰρ ἄς πάλαι εἶχον οἱ τῶν Δακῶν ἀρχηγέταις μετὰ τῶν Ῥωμαίων σπονδᾶς τηρεῖν εἰσέτι οὐκ ἤθελον, ἀλλὰ παρασπονδήσαντες διέλυσαν, τοῦτον δὲ δῆλου τοῖς Σαυρομάτοις γεγονότος, οἱ πρὸς τῶν πάλαι Μυσοὶ προσηγορεύοντο, οὐδὲ αὐτοὶ τοῖς ἰδίοις ὀρίοις ἐμμένοντες ἤθελον ἡσυχάζειν, νεμόμενοι πρότερον ὅποσα ὁ Ἰστρος πρὸς τὴν τῶν Ῥωμαίων διορίζει ἡγεμονίαν, ἀλλ' ἀθρόον ἀπαναστάντες πρὸς τὴν ἡμεδαπὴν γῆν μετωκισθῆσαν. Продолжатель Скилицы (II, p. 645): Τῶν Οὐγγρων τὴν πρὸς Ῥωμαίους εἰρήνην διαλυσάντων καὶ τῶν Πατζινακῶν δὲ ἐξερπυσάντων τῶν φωλεῶν οἷς ἐνεκρῦβθησαν, καὶ τὴν παρακειμένην χώραν σινόντων, τὰ πρὸς τὴν ἐκστρατεῖαν ἐξακτύσας ὁ βασιλεὺς ἐξεῖσι πασίρρωμος εἰς Τριάδιτζαν. Пселл (II, п. 125): Исаак... πανστρατιᾷ ἐπὶ τοὺς ἐσπερίους χωρεῖ, οὗς Μυσοὺς μεν ὁ πάλαι χρόνος ὠνόμαζεν, εἶτα δε εἰς ὃ λέγονται μετανομάσθησαν νεμόμενοι δὲ ὅποσα ὁ Ἰστρος πρὸς τὴν Ῥωμαίων διορίζει ἡγεμονίαν, ἀθρόον τε ἐπανεῖστησαν καὶ πρὸς τὴν ἡμεδαπὴν γῆν μετωκισθῆσαν.

Нетрудно заметить, что начало фразы (ἐπεὶ... ἡσυχάζειν) представляет собой переложение первой половины приведенного предложения Продолжателя Скилицы, а вторая часть фразы — почти дословное воспроизведение текста Пселла (начиная с νεμόμενοι). Стремление сопоставить и объединить источники приводит историографа к явной ошибке: рассказывая о походе печенегов Тираха конца 40-х годов, Анна упоминает о венграх [имеется в виду венгерский король Андрей (1046—1061)], нарушивших договор с Византией в 1059 г.²⁹

Если, пересказывая Вриенния, Анна следовала одному источнику, то в данном случае мы обнаруживаем отчетливое стремление историографа к объединению и сопоставлению своих источников. Пересказывая Продолжателя Скилицы, так же как и излагая Вриенния, Анна опускает ряд фактических деталей³⁰, но за этот счет драматизирует свой рассказ³¹.

Из других византийских авторов в тексте «Алексиады» можно заметить небольшие заимствования из «Истории» Феофилакта Симокатты и из «Догматического всеоружия» современника Анны ученого монаха Евфимия Зигавина. Характеризуя Иоанна Таронита (III, p. 88. 5), Анна пользуется теми же выражениями, что и Феофилакт Симокатта при описании квестора императора Тиберия — Иоанна. Возможно, что одинаковые имена героев вызвали у Анны ассоциации с текстом Феофилакта³².

Евфимия Зигавина Анна сама упоминает в своем произведении. По ее словам, Алексей велел Зигавину изложить и опровергнуть богомилскую ересь, после того как был осужден глава ереси Василий (III, p. 223). Это сочинение дошло до наших дней³³, и сравнение его с соответствующими местами «Алексиады» свидетельствует о том, что Анна знала и использовала произведение Евфимия³⁴. Однако, как и в большинстве других случаев, Анна не переписывает свой источник, а пересказывает его образно — риторическими средствами.

²⁹ См. В. В а с и л ь е в с к и й. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ Так, например, Анна ни словом не упоминает о Селте, единственном из печенегов, осмелившимся на бой с Исааком, и т. д.

³¹ Ср., например, великолепное описание бури (I, p. 128), отсутствующее во всех прочих источниках.

³² См. Theophylacti Simocattae historia, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 39. Заимствование из Феофилакта было отмечено Ф. Дэльгером (BZ, 29, 1929. S. 304).

³³ Оно опубликовано Минем (PG, t. 130).

³⁴ Основываясь на сообщении Зигавина (PG, t. 130, col. 1289—1291), Анна описывает сцену, когда Алексей притворился последователем Василия и хитростью выведаль у ересиарха его учение (III, p. 220). Зависимость Анны от Зигавина подтверждается не только общим сходством описания этой сцены, но и некоторыми лексическими совпадениями.

* * *

Приведенными выше случаями ограничиваются наши сведения о византийских письменных источниках «Алексиады». Однако у исследователей есть еще возможность заглянуть в творческую лабораторию Анны-историографа, но для этой цели «Алексиаду» надо сопоставить уже не с византийским, а с западным памятником.

Уже давно было замечено³⁵, что сообщения Анны о походах Роберта Гвискара на Византию 1081—1082 и 1084—1085 гг. удивительным образом напоминают рассказ об этих событиях, содержащийся в известной поэме Вильгельма Апулийского «Деяния Роберта Гвискара». ³⁶ Перечислим последовательно эпизоды, содержащиеся в рассказах обоих авторов³⁷.

Вильгельм Апулийский

- IV, 6 — 15: Роберт выдает замуж своих дочерей (1).
 IV, 16 — 43: Встреча папы и Роберта (2).
 IV, 44 — 64: Союз папы с саксонцами, битва при Эльстере (3).
 IV, 73 — 121: Разлучение дочери Роберта Елены с Константином, подвиги Алексея 1078—1081 гг. ³⁸
 IV, 122—141: Роберт собирает войско для борьбы с Алексеем (4).
 IV, 142—170: Воцарение Алексея, появление Лжемихаила ³⁹.
 IV, 171—184: Обращение Генриха IV за помощью к Роберту (5).
 IV, 185—199: Роберт назначает своим наследником Рожера (6).
 IV, 199—207: Переправа Роберта из Гидрунта в Диррахий (7).
 IV, 215—217: Григорий Мономахат торопит Роберта с вступлением в Диррахий (8).
 IV, 218—226: Кораблекрушение флота Роберта (9).
 IV, 226—229: Палеолог является в Диррахий и отправляет Мономахата в Константинополь (10).
 IV, 234—243: Историко-мифологический очерк о Диррахии (11).
 IV, 243—271: Осада Диррахия Робертом (12).
 IV, 272—311: Битва венецианского флота с флотом Роберта (13).
 IV, 312—316: Жители островов отказываются платить дань Роберту (14).
 IV, 317—448: Алексей выступает к Диррахию, сражение под Диррахием (15).
 IV, 449—505: Сдача Диррахия Роберту (16).
 IV, 506—523: Действия Рожера в Италии.
 IV, 524—527: Роберт оставляет власть Боэмунду и Бриену и возвращается в Италию (17).
 IV, 528—570: Действия Роберта в Италии (18).
 V, 1 — 23: Борьба Алексея с Боэмундом у Янины (19).
 V, 24 — 79: Борьба Алексея и Боэмунда за Лариссу (20).
 V, 80 — 105: Прибытие венецианского флота на Корфу и в Диррахий, прибытие византийского флота под командованием Маврика.
 V, 106—126: Действия Роберта в Италии.

³⁵ См. R. Wilken. *Rerum ab Alexio I, Ioanne, Manuele et Alexio II Comnenis gestarum libri IV*. Heidelberg, 1811; R. Wilman s. *Über die Quellen der Gesta Roberti Wiscardi des Guillermus Apuliensis*.— «Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», 10, 1851, hrsg. von G. H. Pertz.

³⁶ Новейшее издание: Guillaume de Pouille. *La geste de Robert Guiscard*, édition, traduction, commentaire et introduction par M. Mathieu. Palermo, 1961.

³⁷ Эпизоды, общие для обоих авторов, отмечены нами цифрами в скобках. Номер эпизода соответствует порядку следования его у Вильгельма Апулийского.

³⁸ Об этих событиях Анна рассказывала ранее (I, p. 9—36).

³⁹ Об этих событиях Анна подробно рассказывает во II книге «Алексиады».

- V, 127—158: Вторичная переправа Роберта (21).
 V, 154—204: Битва норманнов с венецианским флотом (22).
 V, 205—254: Стоянка флота Роберта на р. Гликис (23).
 V, 255—283: Смерть Григория VII.
 V, 289—336: Смерть Роберта Гвискара (24).
 V, 337—409: Перевоз тела Роберта в Италию, погребение Роберта (25).

А н н а К о м н и н а

- I, p. 46—47: Роберт выдает замуж своих дочерей (1).
 I, p. 47—49: Борьба Генриха IV и Григория VII по вопросу об инвеституре.
 I, p. 49: Встреча папы и Роберта (2).
 I, p. 50: Союз папы с саксонцами, битва на Эльстере (3).
 I, p. 51: Обращение Генриха IV и Григория VII за помощью к Роберту (5).
 I, p. 51 — 52: Роберт собирает войско для борьбы с Алексеем (4).
 I, p. 52 — 53: Роберт назначает наследником Рожера (6).
 I, p. 53: Роберт высылает вперед флотилию Боэмунда.
 I, p. 53—56: Роберт прибывает в Бриндизи. Возвращение посла Рауля из Константинополя.
 I, p. 56—61: История отношений Алексея и Георгия Мономаха. Мономахат боится Алексея и готовит себе убежище (8)⁴⁰.
 I, p. 138—139: Георгий Мономахат переходит к Бодину и Михаилу, а затем возвращается в Константинополь (10).
 I, p. 139: Отплытие флота Роберта из Бриндизи (7).
 I, p. 140—141: Кораблекрушение флота Роберта (9).
 I, p. 142: Историко-мифологический очерк о Диррахии (11).
 I, p. 143—145: Осада Диррахия (12).
 I, p. 145—148: Битва венецианцев с флотом Роберта (13).
 I, p. 148—149: Вторая битва венецианцев с флотом Роберта.
 I, p. 149: Островитяне отказываются платить дань Роберту (14).
 I, p. 149—150: Стоянка флота Роберта на р. Гликис (23).
 I, p. 150—168: Выступление Алексея из Константинополя в Диррахий, битва под Диррахием (15).
 II, p. 7—8: Сдача Диррахия Роберту (16).
 II, p. 8—13: Действия Алексея после сдачи Диррахия. Сбор денег для найма союзников, реквизиция церковного имущества, дело Льва Халкидонского, письма Алексея Генриху IV.
 II, p. 14—16: Роберт оставляет власть Боэмунду и возвращается в Италию (17).
 II, p. 16—17: Действия Роберта в Италии (18).
 II, p. 17—22: Борьба Алексея с Боэмундом у Янины (19).
 II, p. 22—32: Борьба Алексея с Боэмундом за Лариссу (20).
 II, p. 32—40: Осуждение ереси Итала.
 II, p. 41—43. Победа Алексея над Бриеном у Кастории.
 II, p. 44—45: Расправа Алексея с манихеями.
 II, p. 45—48: Разбирательство дела о реквизиции церковного имущества.
 II, p. 48—49: Бегство Манихея Травла.
 II, p. 50—51: Вторичная переправа Роберта (21).
 II, p. 52—53: Битва норманнов с венецианским флотом (22).
 II, p. 54—55: Привилегии венецианцам.
 II, p. 55—56: Смерть Роберта (24).
 II, p. 56—57: Перевоз тела Роберта в Италию и погребение Роберта (25).

⁴⁰ В конце I книги Анна прерывает рассказ о Роберте и обращается к повествованию о перевороте Комнинов. К Роберту Анна возвращается лишь в конце III книги.

Как видим, порядок следования материала в обоих произведениях почти везде одинаков. Только в отдельных случаях последовательность эпизодов у Анны отлична от Вильгельма Апулийского. Как у одного, так и у другого писателя есть оригинальные эпизоды, но, как правило, они касаются или внутренних византийских дел (у Анны), или событий в Италии (у Вильгельма). Повествуя о событиях в Византии, Анна нередко отходит от канвы рассказа Вильгельма, но затем всегда возвращается к тому месту, от которого отклонилась.

Сходство в расположении материала у обоих авторов особенно убедительно проявляется в следующем примере. Вильгельм Апулийский, рассказ которого обычно выдержан в строгой хронологической последовательности, рассказывает о том, как Роберт, оставив во главе войска своего сына Боэмунда, весной 1082 г. вернулся в Италию, где вступил в борьбу с Генрихом IV и подавлял мятеж своих вассалов (V, 524—570). Доведя повествование до 1083 г., Вильгельм возвращается назад и приступает к рассказу о действиях оставленного на Балканах Боэмунда. Точно такое же нарушение хронологической последовательности мы встречаем в соответствующей части «Алексиады» (II, р. 17).

Естественно, что степень подробности эпизодов у обоих авторов различна. То, чему Вильгельм посвящает считанные строки, у Анны нередко занимает несколько страниц текста. Реже наблюдается обратная картина: как правило, Анна излагает события значительно подробнее и детальней, нежели Вильгельм.

Между обоими авторами наблюдается также весьма знаменательное совпадение сообщаемых ими исторических деталей. Не приводя длинного списка этих совпадений, обратим внимание лишь на уже отмеченную Вильмансом одинаковую ошибку, которую допускают как Анна-так и Вильгельм. Рассказывая о встрече Роберта Гвискара и Григория VII летом 1080 г., оба автора полагают, что она имела место в Беневенте (Анна, I, р. 49; Guil Ar., IV, 16—43). На самом же деле встреча в Беневенте состоялась за 7 лет до того, в 1073 г. Встреча же 1080 г. происходила в Кепрано ⁴¹.

Еще более показательными, чем совпадения фактических деталей, являются лексические соответствия текстов Вильгельма и Анны. Эти соответствия наиболее ярко проступают в двух эпизодах: историко-мифологическом экскурсе о Диррахии и сцене осады Диррахии Робертом. Приведем полностью экскурс о Диррахии в изложении того и другого писателя.

Вильгельм (IV, 236—243):

Rex Epirotarum dicier
hanc Epidamnum
Pyrrhus praecipit, quia
fortia ferre Quiritum
Bella Tarentinis sociat-
us non dubitavit.
Inde frequens bellum va-
rios et passa labores
Evacuata viris fuit ad
nihilumque redacta
Destructam spatio post
composuere minori
Zetus et Amphion, et
praecipere vocari Dir-
rachium...

Анна (I, р. 142):

Ἐν ἡ βασιλεὺς ποτὲ Ἠπειρώτης Πύρ-
ρος Ταραντινοῖς ἐνωθεὶς Ῥωμαίοις ἐν
Ἀπουλίᾳ καρτερόν τὸν πόλεμον συνε-
στήσατο καὶ ἀνδροκτασίας ἐντεῦθεν
πολλῆς γεγонуσίας, ὡς ἀπαντας ἄρδην
εἰφοὺς παρανάλωμα γεγονέναι, ἄοικος
πάντη καταλέλειπται. Ἐν ὑστέροις δὲ
χρόνοις ὡς Ἑλλήνες φασὶ καὶ αὐτὰ
δὴ τὰ ἐν τῇ πόλει γλυπτὰ γράμματα
μαρτυροῦσιν, ὅπ' Ἀμφίονος καὶ Ζήθου
ἀνοικοδομηθεῖσα εἰς ὃ νῦν ὄραται σχῆμα
αὐτίκα καὶ τὴν κλῆσιν μεταμείψασα
Δυρράχιον προσηγόρευται.

⁴¹ См. O. Delarc. Saint Grégoire VII et la réforme de l'église au XIe siècle, III. Paris, 1899, p. 23

В приведенном отрывке бросаются в глаза следующие лексические соответствия: *Tarentinis societatus* — *Ταρεντίνοις ἐνωθεῖς*, *Evacuata viris fuit* — *ἄνοικος πάντη καταλέλειπται*, *Destructam spatio post composuere minori Zetus et Amphion* — *Ἐν ὑστέροις δὲ χρόνοις... ὑπ' Ἀμφίονος καὶ Ζήθου ἀνοικοδομηθεῖσα*.

А вот эпизод осады Диррахия (Guil. Ap., IV, 243—271; Anna, I, p. 143—144). Последовательность рассказа у обоих авторов совпадает, и мы ограничимся пересказом эпизода, отмечая в скобках случаи лексического соответствия.

Осажденные в городе охвачены страхом (*Fit pavor obsessae non parvus civibus urbis* — Guil. Ap., IV, 244; *μεγίστῳ δέει συνείχοντο* — Anna, I, p. 143.12). Повсюду расположена стража (*Et vigiles statuunt; custodia fida per urbem ponitur* — Guil. Ap., IV, 245—246; *Σκοποὺς δι' ὅλου καταστήσας τοῦ τείχους* — Anna, I, p. 143.20). О начавшейся осаде сообщают Алексею (...*imperio factam ducis obsidionem notificant* — Guil. Ap., IV, 246—247; ...*διὰ γραμμάτων τὴν τοῦ Ρομπέρτου ἐφοδὸν τῷ αὐτοκράτορι ἐδήλον* — Anna I, p. 143. 23—24), Роберт сооружает огромную деревянную башню, на которой устанавливается камнеметное орудие. Жители города, видя, что лагерь Роберта увеличивается и норманский вождь не собирается прекращать осады, отправляют к Роберту послов, чтобы выяснить цель прихода норманнов (*cur venerit ille requirunt* — Guil. Ap., IV, 259; ...*κελεύει... ὁ Παλαιολόγος πυνθεῖσθαι ἔτου χάριν παραγέγονεν* — Anna, I, p. 144.17—18). Роберт отвечает, что цель его прихода — восстановить на престоле своего зятя Михаила. Диррахийцы требуют показать им мнимого Михаила, которого под музыку, в сопровождении торжественной процессии выводят к стенам города (*Cornicinum sonitu circumdatus atque tubarum et plectris, qui se Michaellem finxerat esse, more coronatus deducitur imperiali* — Guil. Ap., IV, 264—267; ...*μετὰ λαμπρᾶς προπομπῆς παντοίοις ὀργάνοις μουσικοῖς καὶ κυμβάλοις κατατυπούμενον ὑποδείκνυσιν* — Anna, I, p. 144. 27—28). Толпа диррахийцев отказывается признать Лжемихаила.

Можно привести и другие примеры лексических соответствий текстов Вильгельма и Анны ⁴², однако уже упомянутых случаев достаточно для утверждения, что сходство между обоими авторами не является случайностью. Но какова причина этого сходства? Возможность использования Вильгельмом «Алексиады» исключается по соображениям хронологии ⁴³. «Деяния Роберта Гвискара» создавались между 1095—1099 гг. Анна также не могла читать Вильгельма, ибо, во-первых, судя по всему, писательница не знала латыни, во-вторых, в «Алексиаде» содержится большее число деталей, отсутствующих в «Деяниях». Остается единственно возможное предположение: Вильгельм и Анна пользовались каким-то общим источником, не дошедшим до наших дней. Одинаковый порядок расположения материала и лексические соответствия свидетельствуют о том, что этот источник был письменным. Благодаря тому, что рассказ Анны, как правило, значительно более подробен, чем повествование Вильгельма, в некоторых случаях удается даже проследить, каким образом итальянский поэт искажает свой источник. Весьма показателен в этом отношении следующий пример. Рассказывая о кораблекрушении флота Роберта, Анна сообщает: море рассеяло на прибрежном песке сумки (*βαλάντια*) и все другое, что везли с собой моряки (I, p. 141). В следующей фразе Анна пишет, что многие трупы погибших остались

⁴² См., например, описание встречи папы и Роберта (Anna, I, p. 49; Guil. Ap., IV, 16—43).

⁴³ См. предисловие М. Матье: *Guillaume de Pouille. La geste...*, p. 11—13.

непогребенными и в результате поднялось сильное зловоние. У Вильгельма же в соответствующем месте (IV, 222—224) читаем: «Хлеб, размокший от дождя, пропал и, прибитый волнами к берегу, образовал зловонные кучи». Трудно себе представить зловоние, исходящее от размокшего хлеба. Видимо, у Вильгельма имела место своеобразная контаминация двух различных мыслей источника, сохраненных Анной: провизия моряков рассеялась по берегу, зловоние исходит от непогребенных трупов.

Сравнительно подробное изложение аргументов в доказательство существования общего письменного источника потребовалось нам потому, что в научной литературе нет единого мнения о причинах сходства текстов Анны и Вильгельма. Р. Вильманс, посвятивший более столетия назад этому вопросу специальную исследование, настаивает на существовании общего письменного источника⁴⁴; Е. Остер, которому, по-видимому, осталась неизвестной работа Р. Вильманса, говорит об общем устном источнике⁴⁵; К. Крумбахер просто ссылается на Р. Вильманса⁴⁶, Ф. Шаландон осторожно упоминает о письменных или по крайней мере устных рассказах, послуживших источником для обоих авторов⁴⁷. В самое последнее время в предисловии к своему изданию поэмы Вильгельма М. Матье вообще отрицает наличие какого бы то ни было общего источника⁴⁸.

Как уже говорилось выше, наличие общего, и притом письменного, источника «Алексиады» и «Деяний Роберта Гвискара» нам представляется безусловным. Пытаясь ответить на вопрос, что это был за источник, Р. Вильманс обращает внимание на слова Анны о некоем латинянине, «который рассказал мне обо всех этих событиях и который, как он сам говорил, был отправлен к Роберту в качестве посла епископом Бари». Латинянин уверял, «что проделал эту кампанию вместе с Робертом» (ὁ ταῦτά μοι διηγοῦμενος Λατίνος, ὡς ἔλεγε, πρέσβυς τοῦ ἐπίσκοπου Βαρῆος πρὸς τὸν Ῥομπερτὸν ἀποσταλὴς, καὶ ὡς διεβεβαίωτο, σὺν τῷ Ῥομπερτῷ τὴν τοιαύτην διέτριβε πεδιάδα — I, p. 141—142).

Само по себе предположение Р. Вильманса представляется вполне правдоподобным⁴⁹. В то же время следует обратить внимание на ряд соображений, мешающих безоговорочно принять выводы ученого.

⁴⁴ R. Wilman's. Op. cit., S. 93—110.

⁴⁵ E. Oster. Op. cit., S. 36.

⁴⁶ K. Krumbacher. Geschichte..., S. 275.

⁴⁷ F. Chalandon. Op. cit., p. XII.

⁴⁸ См. Guillaume de Pouille. La geste..., p. 38—46. Аргументы М. Матье против общего источника не представляются нам достаточно серьезными. Во-первых, М. Матье голословно отрицает безусловные лексические совпадения между текстами Анны и Вильгельма. Во-вторых, не замечая одинакового порядка следования эпизодов, М. Матье признает сходство лишь трех эпизодов у обоих авторов (историко-мифологический экскурс о Диррахии, появление Лжемихайла под Диррахием и стоянка флота Роберта на р. Гликис). В первом случае, по мнению Матье, в произведениях обоих авторов независимо друг от друга получило отражение местное предание. Последний эпизод, согласно Матье, был рассказан Анне каким-нибудь латинянцем, читавшим поэму Вильгельма. Что же касается эпизода появления Лжемихайла под стенами Диррахия, то, как утверждает М. Матье, он не мог быть заимствован из латинского источника, ибо свидетелем этой сцены был Георгий Палеолог — постоянный информатор Анны Комниной (см. выше, стр. 100). Аргументы Матье ни в коем случае не подрывают гипотезы об общем источнике и свидетельствуют лишь о том, что решение вопроса, предложенное Р. Вильмансом (автором общего источника является «бариец»), не может быть признано вполне удовлетворительным. См. об этом ниже, стр. 115.

⁴⁹ Мы не останавливаемся здесь на предложенной Р. Вильмансом и поддержанной К. Крумбахером идентификации барийца, упомянутого Анной, с известным Иоанном Барийским. На невозможность такой идентификации указал М. Фуяно (M. F u i a n o. Une fonte dei Gesta Roberti Wiscardi di Puglia, le presunte opera di Giovanni archidiacono, Convivium.— «Raccolta Nuova». Torino, 1950, № 2, p. 249—271). Работа Фуяно известна нам лишь по ссылкам Матье (Guillaume de Pouille. La geste..., p. 39).

1. Анна говорит о латинянине, «рассказавшем мне» (*μοι διηγοούμενος*). Как отмечает Р. Вильманс, глагол *διηγέομαι* может употребляться как в отношении устного, так и письменного рассказа. Однако местоимение *μοι* (мне), употребленное писательницей, значительно затрудняет понимание этого глагола в последнем значении.

2. Наблюдения над текстом Вильгельма показывают, что итальянский поэт близок к Анне и в описаниях внутренних византийских дел. Так, например, Вильгельм сводит рассказ о времени правления Никифора Вотаниата (IV, 77—121) к описанию подвигов юного Алексея, которому (злейшему врагу прославляемого им Роберта) дает восторженную характеристику. Интересно, что большое место в этом рассказе занимает повествование о ночном бое Алексея и Василиаки (IV, 96—116), о котором подробно повествуется у Вриенния и Анны⁵⁰.

Еще более странным кажется уже отмеченное совпадение в историко-мифологическом экскурсе о Диррахии. Трудно себе представить, чтобы греческий историограф сообщал о Зете и Амфионе, якобы отстроивших Диррахий⁵¹, на основании слов посланца барийского епископа, тем более что сама Анна ссылается на то, что «так рассказывают эллины (*ὡς Ἕλληνες φασί*) и что об этом свидетельствуют имеющиеся в городе высеченные надписи» (... *τὰ ἐν τῇ πόλει γλυπτὰ ἱεράματα μαρτυροῦσιν*—I, р. 142).

3. В отдельных случаях существует удивительная близость между рассказами обоих авторов о тех эпизодах, где участвовал Георгий Палеолог, которого Анна называет одним из главных источников своих сведений⁵². Это в первую очередь относится к уже приведенному эпизоду осады Диррахия⁵³. Кажется странным, чтобы Анна, имея такой непосредственный источник, как Георгий Палеолог, пользовалась рассказом барийца.

Приведенные аргументы ни в коей мере не подрывают нашего основного тезиса о существовании общего письменного источника. Приведенные аргументы лишь свидетельствуют о том, что вопрос о характере этого источника значительно сложнее, чем это представлялось в свое время Р. Вильмансу и следовавшему за ним К. Крумбахеру.

Можно с достаточной определенностью утверждать, что в воспроизведении событий борьбы Алексея с Робертом Анна не ограничивалась использованием одного источника, общего с Вильгельмом Апулийским. В рассказе Анны нетрудно заметить сведения, полученные от отца, дяди (Георгия Палеолога) и от других лиц. Так, очень мало точек соприкосновения мы находим в рассказах Анны и Вильгельма о выступлении Алексея из Константинополя и о битве под Диррахием (Guil. Ar., IV, 317—445; Anna, I, р. 150—163) или о борьбе Алексея с Боэмундом в 1082—1083 гг. (Guil. Ar., V, 1—79; Anna, II, р. 17—32) и др. У Вильгельма эти события изображены с точки зрения норманна, у Анны — с точки зрения византийца. В одном случае Анна прямо ссылается на Петра Алифу — норманнского рыцаря, в дальнейшем перешедшего на службу к Алексею (I, р. 161). Таким образом, в ряде случаев, где писательница имела возможность воспользоваться более надежными и прямыми сведениями, ее рассказ уклоняется от канвы повествования общего с Вильгельмом источника⁵⁴.

⁵⁰ События этого ночного боя в описании всех трех авторов совпадают, за исключением одной детали: согласно Никифору (р. 152—153) и Анне (I, р. 31), покинувший для виду свой лагерь Алексей напал на Василиаки, когда тот занял его палатку. Согласно Вильгельму, Алексей напал на Василиаки в его собственном лагере.

⁵¹ Вильгельм и Анна допускают в данном случае странную ошибку: по греческому мифу, Зет и Амфион не отстроили Диррахий, а обнесли стенами город Фивы.

⁵² См. выше, стр. 100.

⁵³ См. выше, стр. 113.

⁵⁴ Следует отметить, что мы, конечно, не в состоянии судить, насколько точно следует своему источнику сам Вильгельм.

Есть также некоторые основания полагать, что, кроме источника, общего с Вильгельмом, Анна обращалась и к какому-то другому источнику западного происхождения. Об этом свидетельствуют некоторые противоречия в тексте Анны, которых мы не находим у Вильгельма Апулийского. Наиболее показательным в этом отношении следующее. Анна сообщает о том, как ловко Роберт отделался от домогательств германского императора Генриха IV и папы Григория VII, каждый из которых стремился привлечь на свою сторону норманского вождя (I, р. 51). Анна даже приводит текст издевательского письма, направленного Робертом Григорию, где норманн, ссылаясь на свои планы борьбы с Византией, отказывает папе в его просьбе. Однако вскоре (I, р. 52—53) та же Анна сообщает, что, отплывая из Лонгивардии, Роберт наказывает своему сыну Рожеру, а также Роберту Лорителло оказывать всемерную поддержку папе. Это последнее сообщение содержится также в поэме Вильгельма (IV, 198). Однако у Вильгельма нет никакого противоречия, ибо он ничего не сообщал об обращении папы к Роберту и об отказе последнего⁵⁵. Вообще в этой части «Алексиады» обнаруживается сравнительно большое число противоречий и несоответствий, отсутствующих у Вильгельма⁵⁶. Можно думать, что многие из них являются не отражением противоречий источника, а результатом неудачной контаминации сведений, почерпнутых из разных источников⁵⁷. Пример такой неудачной контаминации из Продолжателя Скилицы и Пселла мы приводили выше.

Как и в других местах своего сочинения, Анна включает в рассказ документальный материал: указ о привилегиях венецианцам⁵⁸ и письмо Льва Кефалы Алексею⁵⁹. Если в передаче фактического материала между Анной Комниной и Вильгельмом Апулийским различий сравнительно мало, то в оценке событий византийский историограф и итальянский поэт расходятся кардинально. Вильгельм прославляет своего героя Роберта и весьма благожелательно относится к папе, Анна же не упускает случая опорочить их обоих. В отдельных случаях можно даже наблюдать, как одно и то же место источника дает Анне и Вильгельму повод для создания одинаковых по смыслу, но совершенно различных по освещению эпизодов.

Характерным в этом отношении примером является эпизод приготовления Роберта к походу на Византию. Согласно Вильгельму (IV, 122—131), Роберт, находясь в Салерно, велит войску собираться в Гидрунте. Отовсюду требует он даров и новобранцев. Многие, особенно те, у кого оставались дома жены и дети, не хотели идти на военную службу, и Роберту пришлось прибегать не только к уговорам, но и к угрозам. Вильгельм просто упоминает о факте. Анна же рисует патетическую картину, как властолюбивый и жестокий Роберт, безумствуя наподобие библейского

⁵⁵ По словам Вильгельма (IV, 171—180), к Роберту обращался лишь Генрих IV, которому норманн отказал в поддержке, о чем и поставил в известность папу.

⁵⁶ Так, Анна сообщает, что Роберт берет с собой в поход Рожера (I, р. 57), а затем утверждает, что Рожер был назначен правителем Лонгивардии и оставлен в Италии (II, р. 14). Плодом ошибки является и сообщение Анны о морском сражении венецианцев с флотом Роберта летом 1082 г. (I, р. 148), о котором не говорится ни в одном другом источнике и которое противоречит хронологии самой Анны. Неверно датирует Анна стоянку флота Роберта на р. Гликис 1082 г. (IV, 31, р. 149—150). Дважды сообщает писательница (в цепи событий 1082 и 1084 гг. — I, р. 148 и II, р. 54—55) о привилегиях Алексея венецианцам, причем оба раза имеет в виду, конечно, один и тот же указ Алексея (см. F. D ö l g e r. *Regesten*, II, № 1076, 1084; ср. ниже, стр. 118).

⁵⁷ Возможно, из другого источника почерпнула Анна рассказ о посольстве Генриха IV к папе в 1076 г. и о жестоком обращении папы с послами (I, р. 47—48). Этого рассказа нет у Вильгельма, он необходим Анне как обоснование ссоры германского короля с папой, ссоры, заставившей папу искать союза с Робертом.

⁵⁸ См. ниже, стр. 118.

⁵⁹ См. ниже, стр. 120.

Ирода, призывает на службу и старых и малых, людей, никогда не державших в руках оружия, как по всей стране поднялся ропот и повсюду раздавались причитания женщин, оплакивавших своих родных (I, p. 51—52)⁶⁰.

Сопоставление текстов Вильгельма Апулийского и Анны позволяет сделать некоторые дополнительные выводы о методах использования Анной своих источников⁶¹. Историограф использует общий с Вильгельмом источник в качестве канвы для своего повествования, часто контаминирует его данные другими сведениями и существенно меняет характер освещения изображаемых событий. Контаминация иногда приводит Анну к ошибкам, однако интересно уже само стремление историографа к сопоставлению и творческой переработке данных других источников.

* * *

В «Алексиаде» содержатся ссылки на большой документальный материал: императорские хрисовулы, договоры, письма и т. д. Некоторые из этих документов цитируются или даже полностью приводятся историографом. Что касается государственных документов, то это в первую очередь Девольский мирный договор Алексея и Боэмунда 1108 г. (III, p. 125—139), хрисовул Алексея матери Анне Далласине 1081 г. (I, p. 120—122) и указ о привилегиях венецианцам 1082 г. (II, p. 54—55).

Подлинность Девольского договора, самого крупного и интересного документа в «Алексиаде», не вызывает сомнений. О ней свидетельствует хотя бы подробнейшее перечисление — вплоть до самых мелких — географических пунктов, отошедших к Алексею или, напротив, присоединенных к владениям Боэмунда⁶².

Относительно хрисовула Алексея матери⁶³ сама Анна заявляет, что полностью приводит его текст, «опуская лишь красоты стиля его составителя» (τὰς τοῦ γραφέως μόνον κορφαίας περιέλοβα—I, p. 120. 24—25). Подлинность этого документа подтверждается и анализом его формы. Обычный хрисовул X—XII вв. имел довольно строгую форму, состоявшую из начального протокола (включавшего в себя призыв к св. Троице, титул выдавателя и обращение к читателям грамоты), введения (arenga), изложения (narratio), имевшего целью объяснить, какими соображениями руководствовался выдаватель при составлении документа, где содержатся сведения об учреждении или лице, которому выдается хрисовул, распоряжения (dispositio), где излагается суть документа (обычно по определенной формуле), предостережений и угроз (minatio) по адресу тех, кто осмелится нарушить распоряжения хрисовула, и конечного протокола (эсхатолога), состоящего из даты (название месяца пишется киноварью и императорской рукой), подписи выдавателя и скрепы должностного лица⁶⁴.

⁶⁰ Можно привести много других аналогичных примеров. Так, рассказав о замужестве дочерей Роберта, Вильгельм сообщает о высоком роде и доблести зятьев норманна (IV, 6—15), а Анна пускается в рассуждения о корыстолюбии Роберта, который из всего, в том числе и из брака своих дочерей, стремился извлечь выгоду.

⁶¹ Надо, конечно, иметь в виду, что выводы в данном случае не могут иметь такого безусловного характера, как при сопоставлении текстов Анны и Вриенния, ибо мы не имеем самого источника, которым пользовался историограф.

⁶² Подробнее см. Я. Л ю б а р с к и й, М. Ф р е й д е н б е р г. Девольский договор императора Алексея I Комнина с Боэмундом.— ВВ, XXI, 1962, стр. 260 сл.

⁶³ Хрисовул опубликован в кн.: С. Е. Z a c h a r i a e v. L i n g e n t h a l. Jus Graeco-Romanum, III. Leipzig, 1857, p. XXIII—XXIV; см. F. D ö l g e r. Regesten, II, № 1073.

⁶⁴ См. П. Я к о в е н к о. Исследования в области византийских грамот, грамоты Нового монастыря на острове Хиос. Юрьев, 1917, стр. 66 сл.; F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, p. 40—41.

Большинство перечисленных частей мы находим и в хрисовуле, приведенном Анной. В документе отсутствует начальный (так же как и конечный) протокол, он начинается непосредственно с введения, где говорится о том, что «никто не может сравниться с добросердечной и чадлобивой матерью», которая всегда является надежной защитой в беде, добрым советчиком и т. д. (I, p. 120. 28—121.3). Затем в хрисовуле говорится о необыкновенных качествах Анны Далассины, которые и побудили Алексея в трудную минуту обратиться за помощью к матери и вручить ей управление государством (I, p. 121.3—24). Эта часть — типичное «изложение». В следующей части (распоряжении) подробно излагаются случаи, когда приказы Анны Далассины приравняются к императорским распоряжениям (I, p. 121. 24). Хотя в конце хрисовула и нет традиционных угроз, однако там содержится напоминание, что никто не имеет права потребовать отчета или призвать к ответу Анну Далассину «вне зависимости от того, покажутся им ее действия разумными или неразумными» (I, p. 122. 5—6).

Если в предыдущих случаях приходилось доказывать подлинность цитированных историографом документов на основании самого текста Анны, то для третьего большого документа, сохраненного писательницей, — указа о привилегиях венецианцам — нет никакой необходимости в доказательстве его подлинности, ибо до нас дошел включенный в более поздние документы латинский перевод хрисовула Алексея, декларирующий эти привилегии⁶⁵.

В отличие от Девольского мирного договора и хрисовула Анне Далассине, Анна не цитирует, а излагает содержание документа.

При сопоставлении нетрудно заметить, что в латинском тексте хрисовула и в изложении Анны встречается немало аналогичных выражений, что порядок перечисления привилегий в обоих случаях почти одинаков. В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что в изложении Анны опущены почти все подробности: суммы роги, выплачиваемой венецианским должностным лицам, названия мест, где беспопытно могли торговать венецианские купцы, виды пошлин, от которых они освобождаются, и т. д. Принимая во внимание, что при изложении других документов Анна обычно строго фиксирует все подробности, следует заключить, что историограф передавал хрисовул по памяти или же по какому-то беглому, неподробному изложению⁶⁶.

Не может быть сомнения, что опальная, постоянно живущая в монастыре принцесса каким-то образом имела доступ к документам государственного архива. Возможно, последние годы жизни историографа проходили не в слишком строгой изоляции от мира⁶⁷. Может быть, Никифор Вриенний, заготавливая материал для своей истории, снял копии с некоторых архивных документов⁶⁸. Так или иначе эти документы оказались доступны историографу⁶⁹.

⁶⁵ См. Fr. Tafel, G. Thomas. Urkunden zur alteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856, p. 52—53. Документ анализируется в статье: Н. Соколов. Восточная политика венецианской plutократии в XII в. — «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, серия ист.-фил.», вып. XVIII, 1950; он же. Образование венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 281 сл.

⁶⁶ Обращает на себя внимание, что Анна рассказывает о привилегиях венецианцам в цепи событий 1084 г., в то время как на документе стоит точная дата (май месяц, пятый индикт, 6590 г., т. е. май 1082 г.).

⁶⁷ См. выше, стр. 101.

⁶⁸ Такое предположение высказывает Е. Остер (op. cit., S. 38).

⁶⁹ Ф. Шаландон утверждает, что Анна должна была также знать соборные постановления о Льве Халкидонском, Итале, Ниде и утерянный акт о реорганизации приюта св. Павла (op. cit., p. XIV). Сравнение текста «Алексиады» с дошедшими до нас собор-

Гораздо более сложным представляется нам вопрос о степени достоверности многочисленных писем Алексею и от Алексея, включенных писательницей в свое произведение. До нас не дошло ни одного оригинала приведенных Анной писем, для этого жанра невозможно установить четких формальных критериев и стилистических особенностей, которые помогли бы определить их подлинность. По мнению Дж. Баклера, письма в «Алексиаде» «носят печать лишь одной личности — личности самой писательницы. Анна, видимо, не предполагала, что кто-нибудь сочтет их подлинными»⁷⁰.

Тем не менее, несмотря на столь категорическое заявление английской исследовательницы, можно привести некоторые аргументы в подтверждение подлинности отдельных писем. Обращает на себя внимание, что почти во всех письмах по отношению к императору употребляется почетное обращение *ἡ βασιλεία* или *ἡ ἔξουσία*. Такое обращение почти нигде не встречается в авторском тексте «Алексиады», но оно постоянно употребляется в документах, в том числе в цитированных Анной.

Не может быть сомнений (впрочем, это признает и Дж. Баклер), что подлинным является письмо Алексея к Генриху IV с предложением дружбы и союза (I, р. 133—136)⁷¹. Достоверность этого письма подтверждается его витиеватым стилем, обилием торжественных обращений, подробным перечислением даров, отправляемых германскому императору.

Приведем некоторые соображения относительно других писем.

Письмо Боэмунда Алексею 1099 г.⁷² В ответ на требование Алексея отдать ему Антиохию Боэмунд отправляет византийскому императору письмо, обвиняя последнего в предательстве. В то время, пишет Боэмунд, как крестоносцы, терпя всевозможные лишения, осаждали Антиохию, полководец Алексея Татикий бросил крестоносное войско среди опасностей и ушел. Справедливо ли, вопрошает норманский вождь, чтобы после этого Антиохия досталась Алексею? Оценка действий Татикия в письме Боэмунда полностью совпадает с характеристикой поведения византийского полководца в западных источниках, единодушно обвиняющих его в трусливом бегстве⁷³. Сама Анна ранее (III, р. 20) утверждала, что Татикий покинул крестоносцев по настоянию Боэмунда. Если бы писательница сама сочиняла текст письма Боэмунда, она не смогла бы допустить такого противоречия.

Письмо сербского жупана Вукана Алексею 1093 г. (II, р. 167). Вукан, опасаясь наступления Алексея, обвиняет ромейских «сатрапов» в нарушении мирного договора, обещает вернуться на родину, не предпринимать никаких враждебных действий и выдать византийскому императору заложников. На подлинности этого письма настаивает сербский

ными постановлениями не представляет никаких надежных аргументов в подтверждение мысли Ф. Шаландона.

⁷⁰ G. Buckler. Op. cit., p. 235, n. 5.

⁷¹ F. Dölger. Regesten, II, № 1077. В отличие от других исследователей (G. Meyer von Knonau. Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Heinrich IV. und Heinrich V., III. Leipzig, 1900, S. 448—449; W. Ohnsorge. Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Hildesheim, 1947, S. 82 и др.), датирующих это письмо 1081 г., Ф. Дэльгер относит его к 1082 г.

⁷² F. Dölger. Regesten, II, № 1212. Ряд исследователей датирует это письмо 1103 г. Подробно о датировке письма Боэмунда см. Я. Л ю б а р с к и й Замечания о хронологии..., стр. 52.

⁷³ См. Raimundi de Agiles Historia francorum (RHC occ. III), VI; Gesta francorum (Histoire anonyme de la 1re croisade, texte établi et traduit par L. Bréhier. Paris, 1924), VI, 16; Alberti Aquensis liber christianae expeditionis (RHC occ. IV, 1879), III, 38.

исследователь Н. Радойчич⁷⁴, который приводит следующий довод: обычно Анна, так же как и другие византийские писатели того времени, называет сербов далматами, а Далмацию Сербией. В письме же Вукана встречается наименование «Сербия». Этому выводу, казалось бы, противоречат два других примера употребления Анной наименований «сербы» и «Сербия». Этнокон «сербы» Анна использует непосредственно перед письмом Вукана (II, р. 167.3), название «Сербия» (наряду с «Далмацией») Анна мимоходом употребляет, перечисляя места, где были рассеяны византийские войска накануне крестовых походов (III, р. 160.24). Однако в первом случае Анна, видимо, употребляет этнокон «сербы» по аналогии с «Сербией» в письме Вукана. Во втором случае Анне для достижения эффекта важно употребить как можно большее число географических названий, и она говорит о Сербии наряду с Далмацией⁷⁵.

Письмо Гуго Вермандуа, младшего брата Филиппа I, Алексею (II, р. 213). Гуго, гордо именующий себя «царь царей и самый великий из живущих под небом» (ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων καὶ ὁ μείζων τῶν ὑπ' οὐρανόν), предвещает византийского императора о своем приходе и требует устроить ему достойную встречу. Обращают на себя внимание необычные эпитеты, которыми наделяет себя Гуго. Интересно, что в западных источниках Гуго постоянно фигурирует с эпитетом *magnus*, т. е. великий, который Брейе объяснил как неверно понятое французское *moins né*, т. е. младший сын).⁷⁶ Не является ли *μείζων* Анны аналогом к *magnus* латинских источников?

Письмо Льва Кефалы Алексею 1083 г. (II, р. 24—25). Осажденный войском Боэмунда в Лариссе, Лев Кефала жалуется на отчаянное положение гарнизона, требует немедленной помощи от Алексея, угрожая императору, что ему не уйти от обвинений в предательстве, если он сразу же не поспешит на помощь. Вызывает сомнение, чтобы Анна сама сочинила и вложила в уста Льва Кефалы столь резкие выражения по адресу боготворимого ею отца.

* * *

Анализ «Алексиады» позволяет сделать вывод, что Анна в подавляющем большинстве случаев имела достаточно надежные и авторитетные источники информации и лишь в редких случаях невольно искажала их данные. Писательница осмысляла и сопоставляла свои источники, часто (хотя и не всегда удачно) комбинировала различные сообщения об одних и тех же событиях. Можно говорить о наличии в «Алексиаде» элементов исторической критики⁷⁷.

⁷⁴ Н. Радойчић. Вести Ане Комнине о србима. — «Гласник скопског научног друштва», 1928, № 3, стр. 20.

⁷⁵ Возможно, под Далмацией Анна понимает прибрежные районы Сербии, а под Сербией — ее внутренние области.

⁷⁶ См. L. Gréhiere. Histoire Anonyme..., р. 14, п. 3.

⁷⁷ В этом отношении интерес представляют слова самой Анны. Говоря о «безыскусных сочинениях стариков» (см. выше, стр. 101), писательница сообщает: «По ним судила я об истинности своей истории, сравнивала и сопоставляла свое повествование с их рассказами, а их рассказы с тем, что я нередко слышала от своего отца и от дядей с материнской и отцовской стороны. Из всего этого и выросло древо истины» (III, р. 176).